

А. К. Байбурин

ЗАМЕТКИ О ФОРМИРОВАНИИ ОФИЦИАЛЬНОЙ БИОГРАФИИ В РОССИЙСКОЙ ТРАДИЦИИ

Резюме

В статье рассматриваются вопросы формирования сведений, которые легли в основу официальной биографии в российской традиции. Есть основания полагать, что эти сведения выработывались главным образом в рамках бюрократических институций. Выявление таких сведений проведено на основе исторического анализа существующего корпуса документов, посвященных описанию официального портрета человека и его жизненного пути. Исследовательский вопрос можно сформулировать следующим образом: какие сведения о человеке, его социальных характеристиках и событиях его жизни официальные органы считали необходимыми для регистрации в различного рода документах? Для ответа на этот вопрос были рассмотрены способы фиксации человека в таких документах, как метрические книги, паспорта разных периодов, формулярные списки, посемейные списки, советские анкеты при поступлении на работу и другие документы. Для описания официального портрета человека постепенно (начиная с петровского времени) вводились следующие сведения: имя (отчество, фамилия), сословная принадлежность (социальное положение), возраст, место проживания, вероисповедание (национальность), семейное положение, отношение к военной службе. При описании жизненного пути требовались сведения о ближайших родственниках, учебе, службе (работе), наградах и взысканиях. Для советских анкет характерны вопросы о комсомольской, партийной и общественной работе. В результате история жизни в официальных биографиях состояла не из событий, а из положений и статусов субъекта в разных сферах социальной жизни. Бюрократическому аппарату требовалась информация не столько о самом субъекте, сколько о его социальном окружении. Изменения в характере требуемых сведений определялись особенностями политической и социальной системы, в которую встроен субъект.

Ключевые слова: биография, документ, анкета, бюрократия, сведения, имя, возраст, сословие, образование, работа / служба, статус

Albert K. Baiburin

NOTES ON THE DEVELOPMENT OF THE OFFICIAL BIOGRAPHY IN THE RUSSIAN TRADITION

Abstract

This article covers the principles of the formation of the data that constituted the basis for the official curriculum vitae in the Russian tradition. There is reason to believe that this data had been worked out mainly within the bureaucratic institutions. The data was identified by analyzing the available documents, which describe the official portrait and the life path of a person. The research issue can be formulated as follows: what kind of data about the person, his or her social characteristics and life events were considered necessary by the authorities to be registered in various documents? To answer this question, it was necessary to study parish registers, passports from different time periods, service records, family lists, Soviet questionnaires filled out by newly hired employees, and other documents.

Since the time of Peter the Great, the following data have been gradually included in the official portrait of a person: name (first name, patronymic, family name), social estate (social standing), age, place of residence, religion (nationality), marital status, military status. In the description of the life path, it was necessary to provide information about close relatives, education, employment history, awards and penalties. Soviet questionnaires always included questions about a person's involvement with the Komsomol (Young Communist League) or the Communist Party and participation in social work. As a result, an individual's life story presented in the official curriculum vitae consisted not of events, but of his various social statuses. The bureaucratic apparatus required information not so much of the individual himself as of his social environment. The change in the type of information required was determined by aspects of the political and social system in which the respective person existed.

Keywords: curriculum vitae, document, questionnaire, bureaucracy, data, name, age, social estate, education, employment, social status

DOI 10.31860/2712-7591-2021-2-140-154

Изучение биографий ведется не только историками литературы, но и социологами, антропологами и представителями других дисциплин. Однако усилия бюрократических институций по выработке биографических сведений редко привлекали внимание. Между тем основы массового биографического проекта были заложены именно бюрократией. Это обстоятельство позволило П. Бурдые предположить, что «рассказ о жизни стремится в значительной мере приблизиться к официальной модели самопредставления, удостоверению личности, карточке гражданского состояния, анкете, официальной биографии; а также к философии идентичности, которая стоит за всем этим и к которой больше приближены исследования официальных

анкет...» [Бурдые, с. 79]. Сейчас и в этом направлении уже немало сделано. Появились довольно многочисленные работы, посвященные официальным стандартам автобиографий [Зарецкий; Волошина, Литвинов; Halfin; и др.]. Однако вопрос формирования тех сведений, которым будет приписан статус биографических, остается недостаточно исследованным.

В этих заметках речь пойдет о документировании человека и его жизненного пути в российской традиции. Документы имели если не определяющее, то весьма существенное значение для формирования «биографического сознания». Для того чтобы рассказывать (а тем более писать) о себе, необходимо довольно развитое самосознание и умение рефлексировать. Но даже в этом случае требуются образцы. И до сих пор если нам приходится писать автобиографию или CV, мы стараемся узнать, что нужно указать в такого рода тексте. Имеющиеся документальные сведения становятся опорой не только для автобиографий и заполнения различного рода анкет, но и для осмысления своего жизненного пути. Вот показательная рефлексия: «...настоящее самоотождествление началось после того, как я стала обзаводиться первыми солидными документами любимой (мы все ведь любили свою родину) страны проживания — вначале красным билетом члена ВЛКСМ, затем болотного цвета паспортом, позже зеленым билетом члена ВЦСПС. Можно сказать: я выросла, потому что заполняла анкеты. А можно и так: я заполняла анкеты, потому что выросла» [Селицкая]. Так или иначе, источниками биографических данных (в том числе о себе) становятся документы, в которых регистрируются сведения, относящиеся к официальному портрету человека и траектории его жизни. Что это за сведения? Как они формируются и какова их история?

Последовательное документирование человека в России начинается довольно поздно, в петровское время, когда система управления начинает приобретать выраженный бюрократический характер. В 1722 г. появилось распоряжение об обязательном ведении метрических книг во всех православных церковных приходах Российской империи [ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 6. № 4022]. Однако потребовалось еще несколько указов Синода (1724 г., 1779 г. и позже), чтобы метрические книги приобрели единообразный характер (окончательный формуляр был утвержден лишь в 1838 г.). В метрических книгах регистрировались рождение, брак и смерть человека; мы к ним еще будем возвращаться.

При Петре I появляются и идентификационные документы, в частности, первые варианты паспортов. Разумеется, различного рода разыскные и отпускные письма циркулировали и раньше, но они были ориентированы

либо на беглых, либо на отпускаемых холопов и имели произвольную форму. В 1724 г. Петр вводит пропускные (проезжие) письма, которые предназначены для всего податного населения и имеют единую форму. В них должны были вноситься следующие сведения: *имя, звание, приметы, место проживания, откуда и куда направляется* [ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 7. № 4533]. Казалось бы, обычные сведения, но придание им документного статуса имело почти революционное значение для формирования официального портрета человека.

Представленные в документах сведения о конкретном человеке всегда начинаются с имени. *Имя*, зафиксированное в метрической книге, а затем и в паспорте, становится единственным официальным именем, под которым человек известен в своих отношениях с внешней, официальной сферой. Имя обязательно должно быть полным и неизменным¹. Полная именная формула стала включать фамилии и отчества, которые прежде имели только высшие сословия (бояре и дворяне) [Унбегаун, с. 16–17]. Можно сказать, что появление привычного нам полного и неизменного имени произошло именно стараниями бюрократического аппарата, хотя этот процесс обретения фамилий и отчеств затянулся у русскоязычного населения на несколько веков, вплоть до 30-х гг. XX в., а у народов Средней Азии и Кавказа и до начала 40-х гг. прошлого века².

Указание на принадлежность к тому или иному социальному слою (*сословие, звание*, а для низших слоев — *занятия*) с самого начала функционирования идентификационных документов входило в минимальный набор необходимых сведений о человеке и являлось столь же обязательным, как и указание имени. Сословная принадлежность считалась своего рода «врожденной» характеристикой человека (его *породой*), навсегда закрепленной за ним. Лишь с появлением возможности перехода в другое сословие (по достижении определенных чинов, получении почетного гражданства или образования) отношение к этой характеристике стало меняться. Тем не менее этому пункту неизменно уделялось большое внимание. В паспортных книжках, выданных после «Положения о видах на жительство» 1894 г., полагалось указать звание с уточнением сословной принадлежности / чина

¹ До начала XX в. имя можно было менять только с Высочайшего позволения. Один из первых декретов советской власти предоставил гражданам право «изменять свои фамилии и прозвища» [Байбурин, с. 384–387].

² В качестве примера можно указать на «Проект Закона о порядке присвоения постоянных (наследственных) фамилий гражданам Туркменской ССР» (датируется нач. 1940 — апрелем 1941 г.; ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 11. Д. 48. Л. 13–14).

или происхождения от лиц, имеющих определенные права состояния. В советское время сословия, чины и звания были отменены декретом «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» в ноябре 1917 г., но социальная стратификация населения была в некоторой мере сохранена. В соответствии с новым («классовым») подходом выделялись три категории социального положения: рабочие, колхозники и служащие, на смену которым пришла интеллигенция. «Социальное положение» указывалось в советских паспортах до 1974 г.

В число необходимых сведений о человеке входили его *приметы*. Естественно, они нужны были прежде всего для идентификационных документов, но в число примет входили и «лета», т. е. возраст. В «Уставе о паспортах и беглых», изданном в 1832 г., указывались следующие приметы: лета, рост, волосы, брови, глаза, нос, рот, подбородок, лицо, особые приметы. Однако к началу XX в. в видах на жительство и в паспортных книжках из этого набора остались лишь рост, цвет волос и особые приметы. Идентификационный акцент был перенесен на другие сведения, в частности, на подпись и фотографию. Возраст был выделен в отдельную категорию.

Возможность документировать *возраст* появилась еще в XVIII в. благодаря метрическим записям. Однако следует отметить, что сведения о возрасте внедрялись в число биографических данных с еще большим трудом, чем, например, неизменное имя. Точное знание своего возраста долгое время не входило в круг обязательных знаний даже образованных людей. Может быть, поэтому довольствовались указаниями на приблизительный возраст в числе примет. Достаточно сказать, что даже в советских паспортах до 1940 г. могла не указываться точная дата рождения (число и месяц рождения). Обязательно указывался только год рождения, но не все знали и год своего рождения, а поскольку многие метрические книги были уничтожены, то во время паспортизации в 1930-е гг. создавались специальные комиссии по «установлению возраста» для тех, кто его не знал.

Сведения о *месте проживания*, на первый взгляд, относятся к числу фоновых характеристик личности, но со времени возникновения паспорта эти сведения становятся важнейшим пунктом, так как паспорт, как и некоторые другие документы, выдавался только в случае необходимости перемещений. Те, кто не имел постоянного места жительства, выделялись в особую категорию бродяг, с которыми велась постоянная борьба. Кроме того, сведения о месте проживания давали возможность проверить другую документную информацию и установить ее истинность / ложность. Сведения о месте постоянного жительства становятся особенно значимыми в советское время в связи с введением обязательной прописки по месту жительства.

В 1811 г. указом Александра I в число обязательных сведений о владельце паспорта вводится пункт «*семейное положение*» в единообразных терминах: женат, вдов, а если вдов, то после какого брака [ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 31. № 24902]. Мотивировалось это не только заботой о соблюдении правил церковного брака, но и тем, что с этим пунктом связан широкий круг правовых отношений. В частности, в паспорт вписывались не только дети, но и жена, поскольку женщины стали получать отдельные документы позже (см. ниже).

При Николае I продолжилось расширение круга сведений, которые считались необходимыми для описания личности. В формулярные списки чиновников и их «увольнительные виды», служившие для них паспортами, вводится графа «*вероисповедание*». Эта графа будет обязательной для идентификационных документов вплоть до их отмены с приходом новой власти. Принадлежность к той или иной вере была проецирована на разный статус конфессий в империи. До принятия закона от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» [ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 25. № 26125] они делились на три группы: 1) государственная вера (православие), 2) терпимые веры (католики, протестанты, мусульмане, иудаисты, буддисты, язычники), 3) нетерпимые (духоборы, молокане, иудействующие, а в разное время и старообрядцы («раскольники»)). Само указание вероисповедания определяло и закрепляло положение человека в этой классификации. Кроме того, такие важные вопросы, как, например, заключение брака, находились в ведении церкви, и лицам, принадлежащим к различным конфессиям, для заключения брака требовалось разрешение высшего руководства тех церквей, к которым они принадлежали. В большинстве случаев требовалось принятие единой веры. В этой ситуации документы, содержащие сведения о вероисповедании, служили официальным подтверждением принадлежности к определенной конфессии. Графа «вероисповедание» исчезла с введением советских документов.

К этим чертам документного портрета добавляются сведения об *отношении к военной службе*, которыми подчеркивался мужской характер портрета. Документирование женщин начинается только во второй половине XIX в., а до этого они, как и дети, просто вписывались в документы мужчин. Для вдов рядовых и унтер-офицеров с 1816 г. и до конца века существовал особый удостоверительный документ — «вдовый вид». Паспорта женщинам стали выдавать только во время Первой мировой войны. Кстати, в паспортах не было графы «пол» вплоть до последнего российского паспорта, введенного в 1997 г. По всей вероятности, считалось, что пол можно легко установить по имени и отчеству.

С 1906 г. официальный документ, удостоверяющий личность граждан в России, стал называться «паспортной книжкой». В паспортные книжки и виды на жительство включались следующие сведения о владельце: 1) имя, отчество, фамилия; 2) звание; 3) время рождения или возраст; 4) вероисповедание; 5) место постоянного жительства; 6) состоит ли или состоял ли в браке; 7) отношение к отбыванию воинской повинности; 8) документы, на основании которых выдана паспортная книжка; 9) подпись владельца книжки. Если владелец книжки неграмотен, то его приметы (рост, цвет волос, особые приметы).

В советское время регистрационные документы изменились, но не так радикально, как можно было бы думать. Вместо «вероисповедания» была введена «национальность», вместо «сословной принадлежности» — «социальное положение». Причем до 1938 г. национальность определялась со слов владельца паспорта, а с этого времени — по национальной принадлежности родителей. В переписях был оставлен прежний принцип самоопределения. Таким виделся человек (мужчина) бюрократическими инстанциями вплоть до конца советского времени. Теперь обратимся к событиям его жизненного пути, которые считалось необходимым включить в документы.

Обязательное документирование не только самого человека, но и основных изменений в течение его жизни начинается тоже в петровское время. Метрические книги, как известно, состояли из трех частей (записи о рождении, браке и смерти) и заполнялись тем священником, который венчал, крестил и отпевал прихожан своего прихода. Интересно, что во всем жизненном пути выделялось только одно событие — брак, который по значимости приравнивался к рождению и смерти. Объясняется это тем, что наложение брачных уз находилось в ведении церкви, а именно церковь вела метрические книги. Кроме того, считалось, что брак кардинальным образом менял положение человека в социальном (правовом) пространстве. Три отмеченные точки в жизни человека (рождение, брак и смерть) оказались необходимыми, но явно недостаточными для учета и контроля населения. Какие еще события в жизни человека считалось необходимым зафиксировать в документах?

Здесь нужно иметь в виду, что документирование разных слоев и групп населения существенно различались в зависимости от их сословной принадлежности и рода занятий. Обстоятельнее других документировались те, кто состоял на государственной службе. Основным документом для служащих по гражданскому и военному ведомствам был *послужной (формулярный, кондуитный, аттестационный) список*. Кроме того, на всех служащих заводились личные дела. В середине XVIII в. эти списки еще не имели еди-

нообразной формы. Обычно в них указывались следующие сведения: фамилия, имя, отчество и возраст; время поступления на службу; где служил ранее и где получил свой чин, когда и по каким указам; размер жалованья и по каким указам; сколько имеет детей мужского пола, их возраст, где учатся или служат; сколько имеет крепостных мужского пола и в каких уездах. Как видим, история жизни включала семейное, имущественное положение и прохождение службы. Собственно событийность, понимаемая как перемещения в социальном пространстве, касается преимущественно службы. Остальные вопросы фиксируют скорее положения, которые занимает человек в разных сферах социального.

Указом Сената в 1798 г. была введена форма послужного списка чиновника, в котором указывалось: «1. Чин, имя, фамилия и должность, им отправляемая, и сколько от роду лет. 2. Из какого звания происходит. 3. Сколько имеет во владении мужского пола душ, людей и крестьян, в которых уездах и как имена селений. 4. Когда в службу поступил и во одной какими чинами, в каких должностях и где происходил, также не было ли каких отличных по службе деяний и не был ли особенно, кроме чинов, чем награжден и в какое время (годы, месяцы, числа). 5. В походах против неприятеля и в самих сражениях был или нет и когда именно. 6. Не был ли в штрафах и под судом, и если был, то за что именно, когда и чем дело кончилось. 7. К продолжению штатской службы способен и к повышению чем достоин или нет и за что. 8. Не был ли в отставке с награждением чина или без одного и когда. 9. Женат ли, имеет ли детей, кого именно, каких лет и где они находятся» [Глуховская, Романова].

После этого формуляр списка менялся еще несколько раз. Кроме стандартных сведений о служащем указываются данные, касающиеся имущественного и семейного положения, этапов прохождения службы, образования, наград, участия в походах и сражениях, взысканий, а также более подробно, чем прежде, семейное положение. Из них лишь сведения об образовании становятся новым пунктом биографии и тем самым приобретают особую значимость. Основное место, как и прежде, отводится сведениям, непосредственно связанным с прохождением службы. Можно сказать, что пространство изменений ограничено имущественным, семейным и служебным положением, из которых последнее оказывается наиболее разработанным. Введение сведений об образовании придает этой конструкции новое измерение. Формулярные списки явились предшественниками того типа документов, которые получают название трудового списка, а позже — трудовой книжки. В соответствии с подобными рода документов история жизни —

это прежде всего история службы или трудовой деятельности. Не случайно после установления советской власти предлагалось заменить паспорт на трудовую книжку. Победила идея паспорта, но и в нем до 1955 г. фиксировались сведения о месте работы.

Гораздо меньше внимания уделялось документированию других категорий населения. Например, городские обыватели (те, кто проживал в городе и имел недвижимость) записывались в *обывательскую книгу*, в которой указывались фамилия, имя, отчество, звание, чин, сословие; семейное положение — имя, отчество жены; дети — пол, имена; место жительства, служба, промысел.

Для податных сословий (крестьян и мещан) были предназначены *посемейные списки*. Формуляр посемейного списка имел следующие реквизиты: «В графе 1 обозначался номер семьи по порядку, во 2-й — номер семьи по последней ревизской сказке. Графы 3–8 заполнялись сведениями о мужской части семьи. Графа 3: фамилия (или прозвище), имя и отчество главы семьи, имена его сыновей, внуков, братьев с сыновьями, проживающих совместно. Графы 4–6 показывали возраст мужчин (год, месяц и день рождения) — на 1 января текущего года. В графу 7 вносились сведения о том, в каком году умер член семьи, имя и возраст вновь родившегося. Графа 8 указывала начало поступления на действительную службу, ее окончание, перечисление в запас и т. д. Графа 9 указывала имена и отчества жен и имена дочерей. Графа 10 указывала факты замужества и смерти женщин» [Глуховская, Романова]³. Поскольку эти списки составлялись для учета семей, естественно, что в них речь идет главным образом о составе семьи и ближайших родственниках. Информация о службе касается представителей ее мужской части.

Как уже было сказано, в советское время описание официального портрета человека несколько изменилось: вместо «вероисповедания» была введена «национальность», а на смену «сословной принадлежности» пришло «социальное положение». Гораздо серьезнее были изменения в биографическом измерении. Прежде всего следует отметить, что обязательным жанром делопроизводства с 1930-х гг. становится автобиография, которую необходимо было написать при поступлении на работу. Автобиография считалась необходимой для оформления личного дела, которое заводилось на каждого работника и хранилось в отделе кадров. Кроме того, заполнялся «Личный

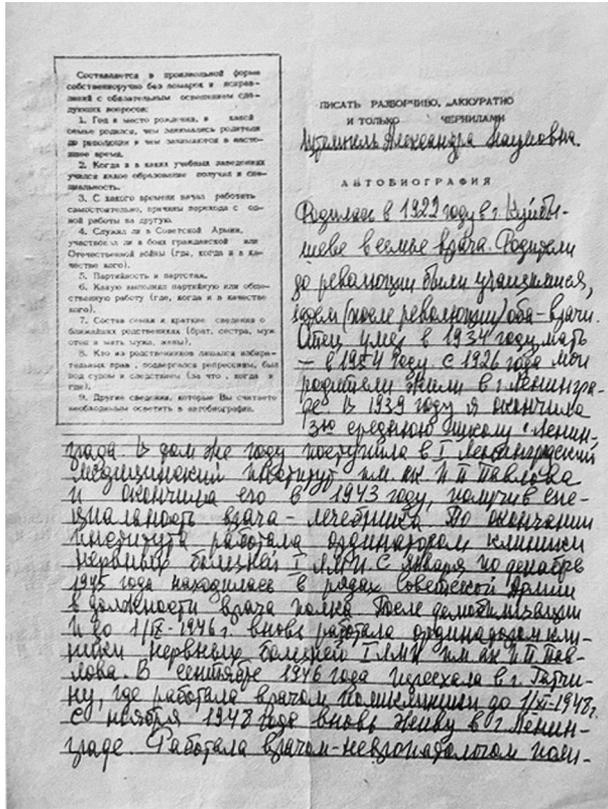
³ Разумеется, существовали и ревизские сказки, в которых учитывалось податное население (крестьяне, мещане, цеховые рабочие). В тексте сказки приводились сведения о всех лицах мужского и женского пола (фамилия, имя, отчество, возраст, сословная принадлежность).

листок по учету кадров», имевший вид анкеты. Причем сперва заполнялась анкета, которая, таким образом, служила своего рода шаблоном для написания автобиографии [Зарецкий].

Для того чтобы фиксировать необходимые официальному делопроизводству сведения, были введены типовые бланки для автобиографии. Вообще-то автобиография и бланк — это почти оксюморон: индивидуальная жизнь по заданной матрице, но для канцелярского производства это было обычным делом. Помимо стандартных сведений о себе (имя, время и место рождения и т. д.) в довоенных бланках присутствовали вопросы о родителях — чем они занимались и каково было их имущественное положение до революции и в настоящее время. Нужно сказать, что информация о ближайших родственниках занимала весьма существенное место в официальной биографии. Непременно присутствовали вопросы о том, кто из родственников был лишен избирательных прав и за что; имеются ли родственники или знакомые за границей. В анкетах послевоенного времени автору следовало указать, находился ли он в плену, был ли судим, находился ли под следствием. Это же касалось и ближайших родственников. Требовалось подробно описать учебу (когда и какие учебные заведения окончил и какую получил специальность). Не менее подробно — о работе: когда начал работать, где, какую работу выполнял. Если менял место работы, нужно указать причину перехода на другую работу. Следовало отметить и перерывы в работе, если они имели место.

Отдельный блок сведений касался вопросов, характеризующих степень лояльности автора. Прежде всего речь шла о членстве в ВЛКСМ или КПСС. В анкетах 1930—1940-х гг. полагалось указать, не состоял ли в других партиях, не участвовал ли в оппозиционных и антипартийных группировках, подвергался ли репрессиям и если да, то за что. Кроме того, следовало указать характер партийной или общественной работы, которую выполнял автор, и подвергался ли он взысканиям по партийной или комсомольской линиям. Бланки 1940—1950-х гг. завершались знаменательной фразой: «Укажите лиц, которые могут подтвердить важнейшие моменты, указываемые в автобиографии» [Волошина, Литвинов].

Со временем количество обязательной информации сокращалось, но базовые пункты, важные для советской бюрократии, сохранялись. Приведу бланк автобиографии 1975 г., который требовалось заполнять при поступлении на работу.

Анкета при приеме на работу 1975 г. (из архива автора)

Бланк автобиографии

Слева в рамке своего рода инструкция.

«Составляется в произвольной форме собственноручно без помарок и исправлений с обязательным освещением следующих вопросов:

1. Год и место рождения, в какой семье родился, чем занимались родители до революции и чем занимаются в настоящее время.
2. Когда и в каких учебных заведениях учился, какое образование получил и специальность.
3. С какого времени начал работать самостоятельно, причины перехода с одной работы на другую.
4. Служил ли в Советской Армии, участвовал ли в боях Гражданской или Отечественной войны (где, когда, в качестве кого).
5. Партийность и партстаж.

6. Какою выполнял партийную или общественную работу.
7. Состав семьи и сведения о ближайших родственниках.
8. Кто из родственников лишился избирательных прав, подвергался репрессиям, был под судом или следствием (за что, когда и где).
9. Другие сведения, которые Вы считаете нужным осветить в автобиографии».

Обычно авторы фиксировали только то, что входило в документный портрет и обязательные пункты жизнеописания. Желавших осветить другие сведения своей жизни было мало: «...в ситуациях социального давления или принуждения человек добровольно открывает о себе и своей жизни лишь то, что и так существует вне его в виде документов, удостоверений, свидетельств других лиц, то есть лишь интересубъективные, признанные другими, известные аспекты своей биографии, жизни и личности. Эти аспекты уже были намеренно или случайно показаны другим, а тем самым и себе — были осознаны, отрефлексированы, а возможно, и вербализованы» [Голофаст].

При рассмотрении советских анкет обращают на себя внимание несколько моментов. Во-первых, необходимость развернутой информации о ближайших родственниках и семье, вплоть до сведений о том, кто из родственников лишился избирательных прав, подвергался репрессиям, был под судом или следствием (за что, когда и где), а сведения о родителях должны включать их занятия до и после революции. Во-вторых, обязательность сведений об общественном лице автора (партийность и партстаж; сведения о партийной и общественной работе). В-третьих, несмотря на то, что, например, вышеприведенная анкета заполнялась при поступлении на работу, профессиональным навыкам и образованию посвящено всего два пункта из девяти. Другими словами, для официальных органов важен не столько сам субъект, сколько его социальное происхождение и актуальное социальное положение. Такая тенденция была задана еще в 1930-х гг., когда во время паспортизации происходила фильтрация населения, разделение на «своих» и «чужих». А для этого необходимы были сведения о социальном положении как самого человека, так и его родственников.

Сейчас уже нет подобных инструкций, многое изменилось, но сама схема в редуцированном виде осталась почти такой, как прежде. Приведу одну из автобиографий, которая фигурирует в социальных сетях в качестве образца, на который следует ориентироваться при составлении автобиографий для поступления на работу и в аналогичных случаях.

«Я, Иванов Иван Иванович, родился 01 января 1990 г. в городе Владивостоке Приморского края. В 1997 г. поступил в общеобразовательную

школу № 1. В 2007 г. окончил школу с золотой медалью. В этом же году начал обучение в Дальневосточном гуманитарном университете по специальности „Журналистика“. В 2012 г. закончил его с красным дипломом. С августа 2012 г. и по сей день работаю журналистом в газете „Вестник Владивостока“.

Не судим.

Женат на Ивановой Екатерине Павловне, 05 мая 1991 г. рождения. Родилась в городе Владивостоке, образование высшее, работает юристом. Проживает совместно со мной по адресу: город Владивосток, ул. Комсомольская, д. 15, кв. 5.

Детей нет.

Дополнительная информация:

Мать: Иванова Ольга Семеновна, родилась 02 февраля 1970 г. в городе Владивостоке, образование высшее, работает бухгалтером. Проживает по адресу: город Владивосток, ул. Ленина, д. 1, кв. 1. Не судима.

Отец: Иванов Иван Петрович, родился 03 марта 1970 г. в городе Владивостоке, образование высшее, работает инженером. Проживает по адресу: город Владивосток, ул. Ленина, д. 1, кв. 1. Не судим.

Брат: Иванов Петр Иванович, родился 04 апреля 1995 г. в городе Владивостоке, в настоящее время обучается в Дальневосточном медицинском университете по специальности „Терапевт“. Проживает по адресу: город Владивосток, ул. Ленина, д. 1, кв. 1. Не судим»⁴.

Если окинуть взглядом историю требуемых для биографии сведений, бросается в глаза неуклонное сокращение данных о самом субъекте. Особенно это касается его «портрета» — из всего набора сведений (имя, сословная принадлежность / социальное положение, вероисповедание / национальность, место и время рождения и др.) актуальным остается лишь имя, место и время рождения. К этим сведениям добавляются данные об образовании и работе / службе. На удивление устойчивым оказывается круг сведений, касающихся ближайшего окружения (семья, родственники). История жизни в официальных версиях биографий представлена последовательностью состояний и статусов автора в разных сферах социальной жизни. Изменения в форме и характере требуемых сведений определяются не индивидуальностью траектории жизненного пути автора, а особенностями социальной системы, в которую он встроен.

⁴ Неофициальная автобиография, образец. URL: <https://himkiuch.ru/tszh/neooficialnaya-avtobiografiya-obrazec-v-zavisimosti-ot.html>

Литература

- Байбурин — *Байбурин А. К.* Советский паспорт: история — структура — практики. СПб.: Изд. Европ. ун-та, 2017. 488 с.
- Бурдые — *Бурдые П.* Биографическая иллюзия / Пер. Е. Ю. Мещеркиной // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2002. № 1. С. 75–84.
- Волошина, Литвинов — *Волошина С. В., Литвинов А. В.* Анатомия делопроизводственной автобиографии в новейшей истории России: композиция и содержание текстов // Текст. Книга. Книгоиздание = Text. Book. Publishing: Науч.-практ. журнал. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2016. № 1 (10). С. 40–54. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/anatomiya-deloproizvodstvennoy-avtobiografii-v-noveyshey-istorii-rossii-kompozitsiya-i-soderzhanie-tekstov>
- Глуховская, Романова — *Глуховская И. И., Романова С. Н.* Указатель видов документов, содержащих генеалогическую информацию (XVI в. — 1917). URL: <http://www.familytree.ru/ru/articles/list/list.htm>
- Голофаст — *Голофаст В. Б.* Многообразие биографических повествований // Социологический журнал. 1995. № 1. URL: <https://smolsoc.ru/index.php/home/2009-12-24-13-15-21/24-2010-08-30-11-20-38/1507-2011-03-26-02-40-14>
- Зарецкий — *Зарецкий Ю.* Моя жизнь для государства: Массовая практика составления делопроизводственных автобиографий советскими людьми // Новое литературное обозрение. 2019. № 3. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2019/3/moya-zhizn-dlya-gosudarstva-massovaya-praktika-sostavleniya-deloproizvodstvennyh-avtobiografij-sovetskimi-lyudmi.html>
- ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. II Отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. 6: 1720–1722 гг. 817 с.; Т. 7: 1723–1727 гг. 933 с.; Т. 31: 1810–1811 гг. 941 с.; Собрание третье. СПб.: Гос. тип., 1908. Т. 25. Отделение 1: 1905 г. 1109 с.
- Селицкая — *Селицкая Л.* Графа в анкете. URL: <http://www.sb.by/v-poiskakh-utrachenno-go/article/grafa-v-ankete.html>
- Унбегаун — *Унбегаун Б. О.* Русские фамилии. М.: Прогресс, 1989. 440 с.
- Halfin — *Halfin I.* Red Autobiographies: Initiating the Bolshevik Self. Seattle: Univ. of Washington Press, 2011. 197, [6] p.

References

- Baiburin, A. K. (2017). *Sovetskii pasport: istoriya — struktura — praktiki*. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta. 488 p.
- Bourdieu, P. (2002). 'Biograficheskaya illyuziya'. E. Yu. Meshcherkina, ed., *Interaktsiya. Interv'yuu. Interpretatsiya*, 1, 75–84.
- Halfin, I. (2011). *Red Autobiographies: Initiating the Bolshevik Self*. Seattle: University of Washington Press. 197, [6] p.
- Glukhovskaya, I. I., Romanova, S. N. (1998). *Ukazatel' vidov dokumentov, sodержashchikh genealogicheskuyu informatsiyu (XVI vek — 1917)*. URL: <http://www.familytree.ru/ru/articles/list/list.htm>
- Golofast, V. B. (1995). 'Mногообразие biograficheskikh povestvovaniy', *Sotsiologicheskii zhurnal*, 1. URL: <https://smolsoc.ru/index.php/home/2009-12-24-13-15-21/24-2010-08-30-11-20-38/1507-2011-03-26-02-40-14>

- Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe (1830). St. Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii. Vol. 6: 1720–1722 gody. 817 p.; Vol. 7: 1723–1727 gody. 933 p.; Vol. 31: 1810–1811 gody. 941 p.
- Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie tret'e (1908). St. Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya. Vol. 25, Otdelenie 1: 1905 god. 1109 p.
- Selitskaya, L. (2002). *Grafa v ankete*. URL: <http://www.sb.by/v-poiskakh-utrachennogo/article/grafa-v-ankete.html>
- Unbegaun, B. O. (1989). *Russkie familii*. Moscow: Progress. 440 p.
- Voloshina, S. V., Litvinov, A. V. (2016). 'Anatomiya deloproizvodstvennoi avtobiografii v noveishei istorii Rossii: kompozitsiya i sodержanie tekstov', in: *Tekst. Kniga. Knigozdanie = Text. Book. Publishing: nauchno-prakticheskii zhurnal*. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 1 (10), 40–54. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/anatomiya-deloproizvodstvennoy-avtobiografii-v-noveyshey-istorii-rossii-kompozitsiya-i-soderzhanie-tekstov>
- Zaretskii, Yu. (2019). 'Moya zhizn' dlya gosudarstva. Massovaya praktika sostavleniya deloproizvodstvennykh avtobiografii sovetskimi lyud'mi', *Novoe literaturnoe obozrenie*, 3. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2019/3/moya-zhizn-dlya-gosudarstva-massovaya-praktika-sostavleniya-deloproizvodstvennykh-avtobiografij-sovetskimi-lyudmi.html>